

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННАЯ РАБОТА А.М. ШЕГРЕНА ПО ПЕРЕВОДАМ УЧЕБНОЙ И БОГОСЛУЖЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Л.К. ГОСТИЕВА

Одной из важных сфер деятельности А.М. Шегрена была научно-координационная работа по рецензированию трудов, представленных на соискание Демидовской премии, и рассмотрение рукописей авторов «с глубинки», обратившихся к изучению родного языка, истории, этнографии, фольклора. Наряду с рецензированием финноугроведческих исследований, А.М. Шегрен много времени уделял разбору работ авторов с Северного Кавказа: Г.Д. Мжедлова, Ш.Б. Ногмова, Л.Я. Люлье и др.

Наиболее длительным и плодотворным было сотрудничество А.М. Шегрена с инспектором, а позже смотрителем Владикавказского духовного училища и учителем осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии Григорий Давидовичем Мжедловым. Оно продолжалось с 1837 по 1852 гг.

Г.Д. Мжедлов (Мчедлишвили) родился в 1813 г. в Грузии в семье священника [1, 27]. В 1833 году Григорий окончил Тифлисскую духовную семинарию. 9 сентября 1833 года он был назначен письмоводителем правления Тифлисской духовной семинарии, а 8 сентября 1835 г. определен учителем в низшее отделение Телавского духовного училища с поручением преподавать географию и арифметику в высшем отделении училища [1, 27].

Через год экзарх Грузии архиепископ Евгений (Баженов) направил Мжедлова «инспектором и учителем русского

языка, русской грамматики, арифметики, помощником в экономических распоряжениях и прочих училищных письменных делах» в открываемое Владикавказское осетинское духовное училище [2, 74]. Смотрителем и учителем осетинского языка и Закона Божия духовного училища был назначен благочинный Осетинской духовной комиссии протоиерей Шио Двалишвили.

25 августа 1836 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений послал правлению Тифлисской духовной семинарии предписание об открытии Владикавказского осетинского духовного училища. Кроме штата, он определил смету училища, набор учебной литературы, подробно расписал сценарий торжественного открытия, утвердил составленные ректором Тифлисской духовной семинарии архимандритом Сергием (Орловым) «Правила Владикавказского осетинского духовного училища», которыми должны были руководствоваться и исполнять смотритель и наставники «для нравственно-религиозного и гражданского образования юных горцев» [2, 74 — 79].

3 сентября 1836 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений направил предписание благочинному Осетинской духовной комиссии протоиерею Шио Двалишвили «открыть во Владикавказе, в виде опыта, училище из детей от 8-ми до 12 лет осетинских владельцев и старшин и некоторых сирот» [2, 72].

Целью училища объявлялось «преимущественно образование священно-церковнослужителей для осетинских приходов», при этом на «казенное содержание» принимались дети, согласившиеся поступить в духовное звание, те же, кто не соглашался на это условие, могли учиться «на коште своих родителей или родственников» [2, 72].

Еще на стадии подготовки духовного училища к открытию перед экзархом Грузии архиепископом Евгением и руководством училища встал вопрос об учебной литературе. В первой трети XIX в. в Тифлисской духовной семинарии и в первых приходских школах осетинский язык и катехизис преподавался по учебникам, составленным на основе грузинской графики. Осетинская азбука на основе церковно-грузинской графики («хуцури» и «мхедрули») была разработана в 1802 г. преподавателем осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии Иоанном Ялгузидзе (Иуане Габараты). В 1820 г. он перевел на осетинский язык и издал в Тифлисе грузинским церковным шрифтом книгу «Утренние молитвы, вечерние молитвы, катехизис, или краткий очерк христианского учения, краткий очерк этики и малый молитвенник». Тем же шрифтом в 1821 г. в Тифлисе Ялгузидзе издал букварь. Кроме этих двух книг Ялгузидзе опубликовал в Москве в 1821 году «Служебник» и в 1824 г. «Последование св. крещения, обручения, венчания и погребения». Ялгузидзе перевел на осетинский язык Святое Евангелие и отправил рукопись в Московский отдел Российского библейского общества, но по неизвестным причинам она не была опубликована.

Все эти книги и рукопись Святого Евангелия вместе с первопечатным осетинским катехизисом 1798 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений передал

осенью 1835 года академику Императорской Санкт-Петербургской Академии наук А.М. Шегрену, который прибыл в Тифлис для изучения языков народов Кавказа, в том числе и осетинского. В записке о цели путешествия на Кавказ, представленной им в Академию наук, Шегрен писал: «Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня цель и средство, я займусь еще в особенности Осетинским, который, имея общую важность, для меня еще любопытен по отношению, какое имеет он к прежним моим занятиям» [3, 110].

Вероятно, тогда же экзарх Грузии поделился с Шегреном важной новостью об организации во Владикавказе духовного училища и высказал заинтересованность в создании академиком осетинского алфавита и грамматики на основе кириллицы.

В марте 1836 г. Шегрен приехал из Тифлиса в Осетию, где непосредственно приступил к изучению осетинского языка. Его первым учителем стал прапорщик Петр (Тасо) Жукаев, служивший в крепости Владикавказ переводчиком осетинского языка и помощником пристава. По рекомендации экзарха Грузии архиепископа Евгения помощником Шегрена в освоении им осетинского языка стал и благочинный Осетинской духовной комиссии протоиерей Шио Двалишвили, будущий смотритель Владикавказского духовного училища.

27 апреля 1836 г. в письме к академику Х.Д. Френу Шегрен писал: «Я снова пересмотрел с ними словари Клапрота, а также пометки, которыми я их снабдил в Тифлисе. Мы проверили их слово за словом, потом выделили и определили как можно тщательнее все особые грамматические формы, что было бы для меня тем более кстати, так как я занялся, по крайней мере, в общем плане

структурой и механизмом грузинского языка. Таким образом, у меня, наконец, есть солидная база для осетинского языка, на которой я смогу построить что-то правильное, когда скоро, даст Бог, вернусь во Владикавказ в лучшем состоянии здоровья. А пока мои два помощника обещают мне подготовить в свободное время новые материалы как для моего личного, так и для общего пользования, чтобы помочь в будущих исследованиях осетинского языка. Для этого, по их пожеланию и для использования ими, я, со своей стороны, разработал предварительную модель осетинского алфавита на основе русского» [3, 17-18].

18 сентября 1836 г. смотритель Владикавказского духовного училища протоиерей Двалишвили обратился с ходатайством в Тифлисскую духовную семинарию о разрешении переводить катехизис с использованием алфавита Шегрена: «В распоряжении учебных часов и предметов для Владикавказского духовного училища сказано: «Как скоро ученики выучат осетинскую азбуку, напечатанную грузинскими буквами, преподавать им Закон Божий, для чего и прислано несколько экземпляров переведенного катехизиса г. Ялгузидзева, но как наречие, на котором переведенный катехизис, мало понятен для детей здешних горцев и даже некоторые слова смешны для них, то не благоугодно ли будет оному семинарскому правлению дозволить мне переводить онный же катехизис на здешнем языке, для классического занятия учеников, а писать русскими буквами, составленными г. Шогреном. При сем препровождается и азбука Шогрена» [2, 79 — 80].

Инспектор и учитель русского языка, русской грамматики и арифметики духовного училища Мжедлов, хорошо знакомый с негативной практи-

кой преподавания осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии, с радостью встретил предложенный А. Шегреном алфавит для использования во Владикавказском духовном училище. Один из первых историографов Владикавказского духовного училища С. Мельников-Разведенков писал, что из донесений инспектора Мжедлова следовало, что «Осетинский букварь» и «Осетинский катехизис» Ялгузидзе «оказались решительно негодными для преподавания, во-первых, потому, что они были напечатаны грузинским алфавитом, что принуждало наставников знакомить детей с этим алфавитом без всякой пользы для дела, во-вторых, и потому, что перевод катехизиса на осетинский язык был сделан в Закавказье, и некоторые слова осетинам Владикавказа или были совсем непонятны, или употреблялись в совсем в другом смысле, часто даже «неприличном», что вызывало на уроках у учеников смех и тем вносило совсем нежелательное направление в изучение катехизиса» [4, 18].

Не получив еще официального ответа из Тифлиса, Мжедлов начал усиленно трудиться над переводом катехизиса. 12 октября 1836 г. смотрителю Владикавказского духовного училища пришло предписание из правления Тифлисской духовной семинарии по вопросу нового перевода катехизиса: «Правление полагает достаточным позволить только вам переписывать сей катехизис русскими буквами, поправляя или заменяя новыми те слова из прежнего перевода, которые кажутся тамошним жителям неточными или даже смешными...Обучение детей горцев грузинским буквам, как вовсе ненужное, совершенно отменить» [2, 80].

К 1837 году относится непосредственное знакомство Шегрена с Мжедловым, о котором он позже писал: «В

то время, когда (в 1837 году) во Владикавказе собирал материал для полного и сколько возможно основательного узнавания осетинского языка, Мжедлов, тогда уже служащий при тамошнем Духовном училище как прилежный мой слушатель, принял участие в означенном учении и таким образом приобрел первое основание той ... (нрзб. — Л.Г.), которую он излагает в представленном им мне опыте осетинской грамматики» [5, 2]. Представил Мжедлова Шегрену, вероятно, протоиерей Шио Двалишвили, который оказывал ему помощь в освоении осетинского языка. Видимо, уже тогда Шегрен дал какие-то рекомендации Г. Мжедлову по переводу катехизиса.

4 января 1837 г. инспектор Тифлисской духовной семинарии иеромонах Порфирий предписал смотрителю Владикавказского духовного училища Двалишвили открыть 2-й класс, поручив преподавание в нем всех предметов учителю Григорию Мжедлову [6, 10б.]. Спустя месяц инспектор вновь направил смотрителю предписание поручить преподавание осетинской грамматики во 2-м классе учителю Г. Мжедлову, который, «обращаясь беспрестанно с учениками из осетин и с учительским помощником, сам может и должен узнавать осетинский язык» [7, 1].

В число учеников, назначенных к переводу во 2-й класс, входил и Василий Цораев, будущий просветитель и учитель осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии. Григорий Мжедлов был воспитанником Василия Цораева при его крещении в 1837 г. [8, 20, 35 — 36].

1 января 1838 г. Мжедлов был назначен смотрителем Владикавказского духовного училища, сменив уволенного Шио Двалишвили [9, 2]. По мнению С. Мельникова-Разведенкова, и до

назначения на должность смотрителя именно Г. Мжедлов был «душой» училища [4, 8 — 9]. Должность инспектора была вовсе упразднена, так как по уставу духовного училища не была предусмотрена.

Но и в многотрудной должности смотрителя Г. Мжедлов продолжал работу над столь необходимыми в духовных заведениях учебными пособиями по осетинскому языку.

Во Владикавказском духовном училище дела с преподаванием осетинской грамматики обстояли очень плохо. По результатам ревизии, проведенной профессором Тифлисской духовной семинарии К. Каневским в сентябре 1838 года, выяснилось, что ученики всех трех классов духовного училища в течение года упражнялись в чистописании только по русскому языку и не занимались осетинским языком и осетинской грамматикой. 27 октября 1838 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений сделал предписание смотрителю духовного училища Мжедлову, чтобы ученики упражнялись «в чистописании на осетинском языке русскими буквами, были преподаваемы им правила Осетинской грамматики неопустительно» [1, 10б. — 2]. Обучение по этому предмету должно было происходить по I части учебника по осетинской грамматике, составленной профессором Тифлисской духовной семинарии К. Спасским-Автономовым. Однако I часть учебника нуждалась в коренной переработке, а II и III частей учебника и вовсе не было.

Эту серьезную работу взял на себя Мжедлов. Еще в августе 1838 г. он ответил согласием на просьбу правления Тифлисской духовной семинарии заняться составлением II части учебника по осетинской грамматике [1, 25]. 23 февраля 1839 года экзарх Грузии архиепископ Евгений писал Шегрену, что

работа над учебником поручена «известному Вам смотрителю Владикавказского духовного училища Мжедлову, с прикомандированием в помощь ему переводчика Жукаева и Осетинской духовной комиссии протоиерея Шио Двалишвили. Но за всем тем сия «Грамматика» не может иметь такой правильности и верности в учебном достоинстве, как составляемая Вами, а потому при представлении оной от меня куда следует я не премину просить Комиссию духовных училищ препроводить оную «Грамматику» к Вам на рассмотрение» [10, 336].

К маю 1839 г. Мжедлов кардинально переработал I часть учебника по осетинской грамматике, составленную ранее профессором К. Спасским-Автономовым. 4 августа 1839 г. Мжедлов завершил II и III части учебника и представил их в правление Тифлисской духовной семинарии [11, 3]. Экзарх Грузии архиепископ Евгений поручил их рассмотрение помощнику Владикавказского пристава Петру Жукаеву, священнику Моисею Садзаглишвили и учителю 1 класса Владикавказского духовного училища Григорию Григорьеву.

16 ноября 1839 г. они в своем рапорте экзарху Грузии сообщили, что рассмотрели законченные части «Осетинской грамматики», составленной Мжедловым: «Мы не нашли в них ничего лишнего, равно и ничего пропущенного, которое бы существовало в осетинском языке, а сочинитель пропустил его без внимания. Наречие, на котором сочинены оныя части, чисто и согласно с тем наречием, на котором говорят природные Тагаурцы, все правила объяснены довольно правильно и отчетливо... Мы с нашей стороны признаем оныя части осетинской грамматики в учебном их достоинстве, довольно правильными, и нет в них никакой недостаточной при-

чины в отношении их неправильности» [12, 15].

28 апреля 1838 г. Мжедлов представил экзарху Грузии архиепископу Евгению переведенную «на осетино-тагаурское наречие краткую священную историю с кратким катехизисом» [2, 80]. Тогда же он писал: «Уже второй год преподавая первоначальные науки детям из горских осетин во Владикавказском Духовном училище и имея всегдашнее обращение с тагаурскими старшинами, я успел, хотя несовершенно, узнать осетино-тагаурское наречие, на котором перевел «краткую священную историю с кратким катехизисом» надеясь на то, что сей малейший труд мой не останется без всякой цели, а принесет некоторую пользу детям, как из горских осетин, так и другим, обучающимся осетинскому языку» [1, 43].

Экзарх Грузии вернул рукопись Мжедлову, который еще больше года трудился над доработкой текста перевода. В конце 1839 г. перевод был направлен обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, который вернул его с просьбой прислать вместе с переводом на осетинский язык «Краткой Священной истории с Кратким катехизисом» и составленную Г. Мжедловым «Осетинскую азбуку». 8 февраля 1840 г. Мжедлов представил затребованные переводы экзарху Грузии архиепископу Евгению, который вновь направил их в Святейший Синод. В письме от 16 февраля 1840 г. Мжедлов сообщил Шегрену, что перевел «краткую «Св. историю» с «Кратким катехизисом» и «Пространный катехизис» и доставил уже Экзарху» [10, 360].

Заняться переводом на осетинский язык «Пространного катехизиса» Филарета Московского экзарх Грузии архиепископ Евгений поручил Мжедлову еще 16 июня 1838 г. В мае 1839 г. Мже-

длов закончил работу над переводом, однако в августе, в связи с выходом нового дополненного издания «Пространного катехизиса», ему пришлось вносить изменения в текст перевода. Окончательный вариант перевода был завершен Мжедловым в июле 1840 г. и передан на рассмотрение назначенным экзархом Грузии лицам: помощнику Владикавказского пристава Петру Жукаеву, приставу Моисею Хоруеву и учителю 1 класса Владикавказского духовного училища Григорию Григорьеву. Те внесли некоторые исправления в текст перевода и, оценив рукопись «в учебном достоинстве», пришли к заключению, что «перевод совершенно согласен с русским» подлинником [13, 7-7об.]. 12 сентября 1840 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений направил перевод «Пространного катехизиса» в Святейший Синод.

Переводы Мжедлова «Осетинской грамматики», «Краткой Священной истории с Кратким катехизисом», «Пространного катехизиса» на осетинский язык, направленные обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову, были поручены им для рассмотрения академику Шегрену. Тот написал обстоятельную рецензию на переводы Мжедлова. Данная рецензия Шегрена никогда не публиковалась, она хранится в Центральном архиве РСО-А [5, 2-9об.]. Затем переводы Мжедлова вместе с замечаниями Шегрена были направлены на заключение в Святейший Синод. 30 мая 1841 г. Святейший Синод постановил поручить Мжедлову вновь пересмотреть переводы согласно замечаниям, сделанным Шегреном, а затем представить исправленные переводы в Святейший Синод [5, 1-1об.].

При работе над учебником по осетинской грамматике Мжедлов по всей видимости пользовался первоначаль-

ным черновым вариантом «Осетинской грамматики», составленной Шегреном. В своей рецензии на рукопись учебника Мжедлова по осетинской грамматике Шегрен писал: «Азбука эта вообще одна и та же, которая сначала была мною придумана на первый случай, а ... по долгим размышлениям о ее усовершенствовании отчасти много уже изменена. Имеются, впрочем, у Мжедлова против первого моего некоторые отступления, доказывающие, что он просто заимствовал главное от меня: не обдумавши причины, по коим именно я тогда употреблял те или другие новые буквы» [5, 2 — 2об.].

По мнению Шегрена, большей частью весьма неудачны были изобретенные Мжедловым в 11 параграфе осетинские названия разных частей речи, которые не только не объясняли предмета, но и служили поводом к ложным понятиям [5, 3об. — 4].

АШегрен пришел в рецензии к выводу, что «сие сочинение в нынешнем его виде неудовлетворительно и требует исправлений и пополнений, или лучше сказать переделки, причем я бы советовал почтенному по своему благонамерению и трудолюбию автору сообщить с тою грамматикою, которую я намерен в скором времени издать, в которой будет изложено все, что только удалось мне после долговременных размышлений и соображений исследовать об устройстве замечательного во многих отношениях осетинского языка» [5, 4].

По переводу на осетинский язык «Краткой Священной истории с Кратким катехизисом» Шегрен сделал Мжедлову конкретные замечания, отметив, что и «сие сочинение свидетельствует о достохвальном его усердии и трудолюбию, но вместе с тем заставляет... чтобы он и этот перевод снова пересмотрел и

исправил... Первый и главный недостаток в его переводах, равно как и грамматике, состоит в сбивчивой и неправильной орфографии...» [5, 4об.]

В своей рецензии в разделе о переводе «Пространного катехизиса» Шегрен обратил внимание на краткое предисловие к переводу, в котором Мжедлов из известных шести пособий к изучению осетинского языка упомянул лишь о двух из них. Шегрен видел в этом «пример той беспечности и торопливости, с которой Мжедлов работает» [5, 8об.]. По его мнению, автор перевода не мог не знать об остальных трех изданных книгах Ялгузидзе и рукописи «Святого Евангелия», переведенного им, поскольку видел их у Мжедлова во Владикавказе в 1837 г. По тексту перевода «Пространного катехизиса» Шегрен сделал конкретные замечания.

В конце рецензии А.М. Шегрен сделал вывод о том, что переводы Мжедлова «слишком мало еще соответствуют справедливым ожиданиям и важности предмета. Если Г. Мжедлов надлежащим образом приготовит себя, стараясь развить и усовершенствовать свою грамматическую теорию и основываясь на оной примет правильную орфографию, надеюсь, моя грамматика представит ему указания, и потом уже с возможной рассудительностью приступит к исправлению своих ... и к составлению новых переводов, то он, конечно, со временем сможет в высшей мере способствовать к просвещению осетинского народа» [5, 9 — 9об.].

23 июня 1841 г. обер-прокурор Святейшего Синода граф Протасов послал подлинные рукописи переводов Г. Мжедлова и копию рецензии с замечаниями Шегрена экзарху Грузии архиепископу Евгению, который, в свою очередь, 3 июля 1841 г. переправил их автору переводов [5, 9 — 9об.].

В письме от 5 августа 1841 г. Мжедлов сообщил Шегрену, что получил переводы с его замечаниями и выразил готовность их дорабатывать. В то же время Мжедлов просил Шегрена учитывать, что недостатки его переводов во многом объясняются и объективными причинами: «Из замечаний Ваших я увидел и верю, что слова Ваши, которыми Вы благоволите называть их не верными, особенно по правописанию, истинно верны, да и без того таковым переводам и сочинениям при самом начале на неграмотном языке нельзя быть. Сколь я ни употреблял усилия проникнуть и вернее выразить все звуки приличными буквами, столько я нашел неудобства и затруднения и ограничился только теми буквами, которые уже Вам известны, и я думаю за то и Вы не изволите так строго судить меня, зная силы мои и имея много примеров даже образованных языков, которых азбуки еще, как я от Вас же знаю, не совсем совершенны. Что же касается до выражения смысла вернее и приличными словами, то я теперь в состоянии довольно удачно работать, так как я чрезвычайно занимался и имею желание сделать что-нибудь своим трудом, полезное церкви Осетинской» [10, 362].

В том же письме Мжедлов обратился к Шегрену с просьбой прислать ему изобретенный им алфавит с тем, чтобы он мог использовать его в своих работах: «Я имел разговор с Экзархом и прокурором Синодальной конторы об удачности и правильности для выражения составленных Вами букв, и давно жду Вашей «Грамматики»; но, узнав еще в 1839 году из Вашего письма о ее замедлении и не осмелясь выпросить у Вас рукописной азбуки, я стал писать мой перевод Вам известными буквами. Ныне же я надеюсь, что если «Грамматика» Ваша еще не отпечатана, по до-

бродушию Вашему не откажете прислать мне одни буквы Ваши с присовокуплением на них употребляемых знаков и тех осетинских слов, из которых я вернее могу увидеть употребление каждой буквы в письме и тем доставьте мне единственное средство к продолжению моих занятий... Я намерен <...> заниматься исправлением переводов, пиша их собственно Вашими буквами, и надеюсь, что труды мои, вверенные Вашему усмотрению, без всякой пользы не останутся как для меня самого, так и для осетинской церкви» [10, 362 — 363].

Мжедлов не оставил работу над переводами. Экзарх Грузии архиепископ Евгений в письме Шегрену от 18 мая 1843 г. писал: «Бывший смотритель Владикавказского осетинского духовного училища Григорий Мжедлов имел от меня поручение составить «Осетинскую грамматику» и сделать перевод «Краткой священной истории» с «Кратким катехизисом» на осетино-тагаурское наречие. По окончании им означенной «Грамматики» и перевода ему, Мжедлову, поручено было вновь пересмотреть и исправить как составленную им «Осетинскую грамматику», так и перевод «Краткой св<ященной> истории».

Но он, Мжедлов, хотя и пересмотрел «Грамматику» и перевод и хотел приступить к окончательной отделке и переписке оных, но известившись, что Вы отпечатали свою «Осетинскую грамматику» и обещали ему прислать экземпляр таковой «Грамматики», то он и отложил переписку своих книг до получения от Вас составленной Вами «Грамматики», каковой он еще не получил.

Посему я обязываюсь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие, нельзя ли одолжить меня присылкою хотя одного экземпляра напечатанной Вами

«Осетинской грамматики» на немецком языке, каковая по миновании надобности будет возвращена к Вам немедленно. Если же можно приобрести покупкою Вашу «Осетинскую грамматику», то прошу вас доставить ко мне до десяти экземпляров оной «Грамматики», за которые поспешу я доставить к Вам и деньги сполна, и объявленный Вами процент» [10, 336-337].

Точных данных о том, были ли посланы Шегреном экзарху Грузии экземпляры книги на немецком языке, нет, но есть сведения о присылке ему рукописи «Осетинской грамматики» на русском языке. Посылая рукопись, Шегрен просил экзарха Грузии предложить Мжедлову прочитать ее и высказать свои замечания. В письме к Шегрену от 28 июля 1843 г. экзарх Грузии писал: «Почтенное письмо Ваше от 15-го июня текущего 1843 года я имел честь получить 21 июля сего ж года, и вместе с тем получил книгу составленной Вами «Осетинской грамматики» на русском языке, которая и передана мною бывшему смотрителю Владикавказского училища Мжедлову с тем, чтобы он прочитал оную со вниманием, сделал свои замечания и таковые сообщил Вам для соображения» [10, 337].

17 ноября 1843 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений сообщал Шегрену, что «...состоящий учителем осетинского языка при Тифлисской духовной семинарии Григорий Мжедлов по получении от меня составленной Вами «Осетинской грамматики» успел прочитать оную и в изложенных в ней правилах не нашел ничего, против чего он с своей стороны мог бы сделать замечание» [10, 337].

После получения рукописи Шегрена Мжедлов детально изучил ее с тем, чтобы использовать в своих переводах. 31 декабря 1843 г. в ответ на просьбу

смотрителя Владикавказского духовного училища прислать в их училищную библиотеку экземпляр «Осетинской грамматики» Шегрена экзарх Грузии писал: «хотя и прислан от академика Шегрена один экземпляр составленной им Осетинской грамматики учителю Мжедлову, но прислан для того, чтобы он, Мжедлов, по руководству оной мог исправить и составленную им особую Осетинскую грамматику, которая требуется от него, Мжедлова, по Указу Святейшего Правительствующего Синода, другого же экземпляра Осетинской грамматики нет» [14, 2 — 2об.].

Что касается перевода на осетинский язык книги «Краткая Священная история с Кратким катехизисом», то после длительной доработки она вновь поступила на рецензию к Шегрену. Рукопись этой рецензии была обнаружена Т.Т. Камболовым в Санкт-Петербургском архиве РАН и издана им в 1998 году в книге «А.М. Шегрен. Осетинские исследования» [3, 81 — 86]. Точная дата рецензии неизвестна, судя по тексту, она написана не ранее 1848 года.

В своей подробной рецензии Шегрен отметил важность, которую имел для религиозного образования осетин перевод Священной истории и Катехизиса на осетинский язык. Академик подчеркнул трудности, с которыми сталкивался автор перевода: «Конечно, переводы именно таких книг и на такой язык, каков пока горный кавказский осетинский, грубый и необработанный, естественно сопряжены с величайшими и почти непреодолимыми затруднениями, и это-то обстоятельство извиняет реальные несовершенства в переводе Мшедлова (Мжедлова. — Л.Г.)» [3, 82]. Шегрен подробно остановился в своей рецензии на замечаниях, которые были сделанным им по рукописи перевода Мжедлова, «как-то неудачный или

ошибочный выбор слов и выражений, неудачное образование таковых новых и другие сим подобные недостатки. Но, по крайней мере, формальная сторона перевода должна бы быть совершеннее, нежели мы ее здесь находим. Правописание осетинских слов у автора по большей части еще такое же, каково было в первой рукописи его перевода псалмов Давида, несмотря на то, что после того времени издана была моя Осетинская грамматика с полным обстоятельным отчетом в моем правописании. Кроме того, упомянутый перевод Псалтиря также напечатан в исправленном виде» [3, 82]. Положительной стороной работы Мжедлова академик считал то, что «пропусков в новом его переводе очень немного; они редкие и незначительные» [3, 86].

В письме от 21 июня 1852 г. Мжедлов писал Шегрену: «Несмотря на все неудачи, я все-таки продолжаю свои занятия по осетинскому языку и занимаюсь исправлением перевода «Краткой истории» с «Кратким катехизисом» по замечаниям Вашим» [10, 370].

Несколько лет Мжедлов трудился над переводом на осетинский язык Псалтири. Закончив работу над переводом, он 7 февраля 1841 г. направил рукопись экзарху Грузии архиепископу Евгению [15, 1].

21 февраля 1841 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений обратился в Святейший Синод с донесением, в котором писал: «Смотритель Владикавказского училища Григорий Мжедлов представил ко мне составленный им перевод Псалтиря на Осетино-Тагаурском наречии. Причем он, смотритель Мжедлов, в рапорте своем объяснил, что оценку относительно правильности и чистоты языка, на который переложено им Псалтирь, он полагает лучшим поручить Г. Академику Шегрену. О чем

благопокорнейше представляю Святейшему Синоду на благорассмотрение, и препровождая при сем самый перевод Псалтиря на Осетино-Тагаурское наречие, имею честь присовокупить: не благоугодно ли будет оный перевод Псалтиря для оценки в правильности его, и в чистоте языка, поручить Г. Академику Шегрену, и если перевод будет одобрен к напечатанию, то напечатать оного перевод 1200 экземпляров на счет остаточных Осетинских сумм» [3, 166].

20 марта 1841 г. Святейший Синод постановил передать перевод Псалтири на осетинский язык, выполненный Мжедловым, на рецензию Шегрену.

Шегрен составил рецензию на первый вариант перевода Псалтири и 8 октября 1841 г. направил ее в Академию наук [10, 447 — 458]. Он высказал в пространной рецензии многочисленные замечания, отметив, что Мжедлов «нередко смешивает грамматические формы и употребляет оные в превратном виде» [10, 447]. Ошибки перевода Шегрен связывал не столько с незнанием автором осетинского языка, сколько с его торопливостью и поверхностностью в работе. При этом он признал, что «перевод при всех его несовершенствах свидетельствует о значительных успехах автора в практическом изучении осетинского языка. С сердечным удовольствием признаем, что в этом переводе вообще весьма много переведено довольно удачно и даже превосходно, если принять в рассуждение все естественные затруднения; но при всем этом необходимо сказать, что встречается много недостатков, ошибок и даже смешных промахов. Имея главную целью общий смысл, переводчик менее заботился о самом образе мыслей и, следовательно, столь же мало — о точном и верном переводе каждого слова в отдельности. Многие слова, особенно

такие, которые представляли ему затруднения, истинные или мнимые, он произвольно заменял другими, по его мнению — близкими или, по крайней мере, объяснительными» [10, 450]. Шегрен рекомендовал Мжедлову серьезно доработать перевод и устранить указанные недостатки.

22 декабря 1841 г. копия рецензии была передана в Святейший Синод, который 23 января 1842 г. постановил, чтобы Мжедлов исправил перевод Псалтири согласно сделанным академиком Шегреном замечаниям [3, 167].

Однако должность смотрителя Владикавказского духовного училища не позволяла Г. Мжедлову в полной мере сосредоточиться на работе по переводу богослужебных книг. 21 августа 1841 г. Мжедлов подал прошение экзарху Грузии архиепископу Евгению с просьбой назначить его на какую-нибудь должность по духовному ведомству с тем, чтобы он мог окончить начатые им осетинские переводы. 4 октября 1841 г. экзарх Грузии предложил Мжедлову занять должность учителя осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии и высшем отделении духовного училища, на что тот согласился: «Желаю продолжить службу по духовной части для того, чтобы мог иметь возможность окончить осетинские переводы и время о поправлении своего здоровья в городе Тифлисе» [16, 1 — 2об.].

В конце 1841 г. Мжедлов был назначен учителем осетинского языка в Тифлисскую духовную семинарию и духовное училище. В Тифлисе он продолжил работу над Псалтирью, больше двух лет внося исправления в рукопись.

3 апреля 1844 г. Святейший Синод постановил вновь поручить рассмотрение перевода Псалтири на осетинский язык Шегрену. В рецензии Шегрен писал, что в новом варианте «по сделан-

ным мною замечаниям слова и предложения, оставшиеся без перевода, теперь прибавлены, и все главнейшие ошибки весьма удовлетворительно исправлены. Между тем и некоторые фразы или особенно частные, менее удачные и точные слова оставлены по-прежнему без перемены — или от недосмотра, или, может быть и потому, что переводчик не находил всех моих прежних замечаний в равной степени заслуживающими внимания» [10, 460]. В качестве положительной стороны перевода он отметил то, что «госп. Мжедлов не любит заимствовать чужие слова в свои переводы, всячески стараясь о чистоте языка, на который он переводит. Это есть у него неоцененное достоинство, и я с удовольствием признаю, что его сочинение в том отношении превосходит все другие подобные переводы, которые я доверен был рассматривать в последнее время» [10, 460]. В конце рецензии Шегрен предложил автору устранить оставшиеся в тексте ошибки и неточности.

6 сентября 1844 г. рецензия Шегрена была послана в Историко-филологическое отделение Академии наук вместе с рукописью Мжедлова, в которой карандашом были внесены замечания ученого.

В письме от 24 сентября 1844 года Мжедлов просил Шегрена уведомить его лично о результатах рецензирования рукописи перевода: «Перевод “Псалтиря” уже отправлен к Вам и потому всеубедительнейше прошу Вас, милостивый государь, не пожалейте 10 коп. серебром и уведомите меня, достоин ли я через этот перевод доброго имени, и вместе прошу Вас к тому Вашего содействия, не обращая на некоторые оставшиеся в нем опять ошибки, которые в свое время будут исправлены. Я хотя и без сей просьбы в крепкой надежде, что добродушие Ваше не оста-

вит меня и чрез принятие того перевода сделает счастливым, но все-таки я осмеливаюсь просить Вас о том, как своего благодетеля» [10, 363].

Шегрен исполнил просьбу Мжедлова и сообщил ему в письме о результатах рецензирования перевода Псалтири. 2 февраля 1845 г. Мжедлов писал академику: «Письмо Ваше от 16 октября 1844 я имел счастье получить, из которого усмотрел приятное для меня известие о том, что Вы, по милости Божией, благополучно живете и перевод мой “Псалтиря”, кроме замеченных Вами еще ошибок по правописанию и некоторых слов, неудачно переложенных, Вами уже одобрен. Вслед за этим письмом весьма скоро получил и упомянутый перевод, перепискою которого набело уже занимаюсь и надеюсь, что все оставшиеся в нем ошибки теперь будут мною удачно исправлены по Вашему указанию. Занятие мое по осетинскому языку я продолжаю еще и буду продолжать до гроба, как я в этом труде нахожу большое для сердца моего удовольствие» [10, 364].

27 октября 1844 г. Святейший Синод постановил, чтобы Мжедлов исправил и усовершенствовал перевод [3, 167].

После выхода в свет в Санкт-Петербурге в 1844 г. фундаментального труда Шегрена «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским» один экземпляр академик прислал Мжедлову. В письме к Шегрену от 24 сентября 1844 г. Мжедлов благодарил его за книгу: «Вы, милостивый государь, очень много одолжили мне, что прислали экземпляр Вашей “Осетинской грамматики”, она теперь мне служит единственным руководством при подавании уроков моим ученикам в Тифлисской семинарии. Я не намерен прекратить занятия по этому языку а, напротив, усугубить, наде-

ясь, что труды не останутся без пользы» [10, 363]. В другом письме от 8 апреля 1845 г. Мжедлов писал: «Присланную Вами мне «Граматику» отнял новый Экзарх и доселе не возвращает мне, и потому покорнейше прошу прислать мне 6 экземпляров с уведомлением о цене каждой книги, которую, по получении книг, не медля вышлю» [10, 365].

Почти целый год Мжедлов вносил изменения в рукопись перевода. В работе над исправлением перевода ему активно помогал Петр (Тасо) Жукаев. Мжедлов сообщал А.М. Шегрену в письме от 2 февраля 1845 года: «...получивши перевод “Псалтиря”, я <...> уже два месяца занимаюсь исправлением и перепискою набело сего последнего. К счастью моему, известный Вам Тасо Жукаев приезжал в Тифлис и, живя около трех недель у меня в январе месяце, очень много помог мне в исправлении этих ошибок, какие Вами замечены, и надеюсь в первых числах марта перевод сей отослать Вам по начальству» [10, 364].

В письме от 8 апреля 1845 г. Мжедлов сообщал Шегрену об окончании работы: «Спешу Вас уведомить, что я кончил перевод «Псалтиря» и представил уже Экзарху...» [10, 363]. 28 сентября 1845 г. экзарх Грузии архиепископ Евгений направил третий вариант перевода Псалтири в Святейший Синод, который вновь поручил рецензирование Шегрену.

В письме от 16 ноября 1845 г. Мжедлов писал Шегрену: «Спешу уведомить Вас, что мой осетинский перевод “Псалтиря” недавно Экзарх Грузии препроводил к г. Обер-прокурору Святейшего Синода по его требованию и, без сомнения, тот перевод скоро дойдет опять до Вас для рассмотрения. Замеченные в нем Вами грамматические ошибки все исправлены; слова Иегова, Иаг и кедры

употреблены так, как Вы изволили советовать; прочие замеченные ошибки в слогах и стихах по возможности и с помощью г. Петра Жукаева, который целый месяц жил в г. Тифлисе у меня, почти все исправлены, и ошибок, которые в настоящем состоянии осетинского языка можно было исправить, по отзыву г. Жукаева, нет. Теперь как одобрение этого перевода, так и чрез то исполнение моего искреннего желания — чтобы труд мой не был оставлен без пользы для осетинских христиан, зависит от Вас. И потому я осмеливаюсь, милостивый государь Андрей Михайлович, просить Вас, чтоб просьба моя о том переводе была удостоена благосклонным вниманием Вашим» [10, 366].

Рецензия Шегрена на третий вариант перевода была, наконец, положительной. В рецензии, направленной 24 апреля 1846 г. в Историко-филологическое отделение Академии наук, он писал: «Вследствие поручения Академии я еще в третий раз рассмотрел составленный г. Мжедловым перевод Псалтиря на Осетино-Тагаурское наречение и при том имел удовольствие везде встречать доказательства о вящем усовершенствовании этого перевода. По изъявленному мною при прежнем отзыве желанию г. Мжедлов подвергнул свою рукопись новому рассмотрению и так удачно исправил оставшиеся в ней погрешности, что теперь лишь одна только поправка мне кажется неудовлетворительною. Она относится к самому началу 4-го стиха Псалма ХСIII... Сверх того три места остались еще по-прежнему без перемены...И вот все мои замечания против перевода в нынешнем его виде. Кроме означенных мелочей все прочее весьма удовлетворительно, равно как и исправленное везде правописание, которое в прошедший раз еще представляло многие недостатки. Из-

лишне было бы здесь снова распространяться о всех похвальных качествах сочинения и о заслугах г. Мжедлова, в высокой степени еще умноженных новою переделкою. Поздравляем его с совершением труда столь полезного и желаем, чтобы он был принят с признанием великого его усердия и благородной деятельности» [10, 462].

Рецензия была одобрена Историко-филологическим отделением Академии наук и в мае 1846 г. направлена в Святейший Синод. В письме, полученном Мжедловым 21 мая 1846 г., Шегрен сообщил ему об одобрительной рецензии на перевод Псалтири [10, 366].

19 июня 1846 г. Святейший Синод постановил вернуть перевод Мжедлову, чтобы тот окончательно исправил и усовершенствовал его. 5 сентября 1846 г. в Святейший Синод был представлен окончательный вариант перевода.

В письме от 16 сентября 1846 г. Мжедлов сообщил Шегрену об исправлении конкретных пяти ошибок, отмеченных в его рецензии на перевод Псалтири [10, 366 — 368].

28 сентября 1846 г. Святейший Синод постановил напечатать Псалтирь в Московской синодальной типографии тиражом 1200 экземпляров, считая «что издание сей книги необходимо как для духовенства, так и православного осетинского народа» [3, 168]. Однако в Московской синодальной типографии Псалтирь отпечатать не удалось, что было связано как с особенностями осетинского алфавита, так и с невозможностью найти корректора, который бы знал осетинский язык.

27 февраля 1847 г. Святейший Синод постановил напечатать Псалтирь в типографии Императорской Академии наук. В 1848 г. перевод Псалтири на осетинский язык, выполненный Мжедло-

вым, увидел свет [17]. В декабре 1848 года 1200 экземпляров отпечатанной книги были доставлены в Осетинскую духовную комиссию. 19 января 1849 г. Святейший Синод по просьбе экзарха Грузии архиепископа Исидора (Никольского) вынес постановление «о раздаче Псалтиря на Осетино-Тагаурском наречии грамотным горцам и ученикам из Осетинцев, обучающимся в приходских школах, в виде награды и для поощрения прочих» [3, 168].

28 декабря 1850 г. Мжедлов благодарил А.М. Шегрена за помощь в подготовке перевода Псалтири: «Милостивый государь, Андрей Михайлович! Поздравляя Вас с наступающим новым годом, спешу, хотя поздно, благодарить Вас за Ваше внимание и снисхождение к моему труду — переводу “Псалтиря”, отпечатание которого немало обрадовало меня и дало случай быть полезным церкви и Отечеству» [10, 368]. Из письма Мжедлова к Шегрену от 3 марта 1851 г. следовало, что переводчик Псалтири отправил академику «...через редакцию «Закавказского вестника» безвозмездно и с большим удовольствием 3 экземпляра осетинского «Псалтиря» [10, 369]. В последнем из известных писем от 21 июня 1852 г. Мжедлов сообщал Шегрену о положительных отзывах на издание: «Осетинский “Псалтирь” уже в употреблении, и отзыв об нем от всех осетинов и других, знающих осетинский язык, весьма хорош» [10, 370].

В начале 1840 г. Мжедлов занимался также переводом на осетинский язык трех Посланий апостола Иоанна Богослова. Об этом свидетельствовали два письма Мжедлова Шегрену. В письме от 16 февраля 1840 г. Мжедлов писал: «...надеюсь в марте доставить Вам по почте вместе с переводом трех «Посланий» апостола Иоанна Богослова, переведенного мною» [10, 370], а в письме

от 2 мая 1840 г. — «При сем присылая к Вам осетинский перевод трех «Посланий» Апостола Иоанна Богослова...» [10, 361]. Были ли опубликованы переводы трех Посланий апостола Иоанна Богослова в переводе Мжедлова, неизвестно.

Крупными переводческими трудами Мжедлова стали переводы Святого Евангелия и Деяний Святых Апостолов. О своей работе над этими переводами он сообщал Шегрену в письме от 5 августа 1841 г.: ««Евангелие» и «Деяния Св. Апостолов» уже вчерне у меня выведены, и как я сам надеюсь, и другие в том уверяют меня, <что> сии последние переводы должны быть лучше и основательнее первых, хотя писаны теми же буквами. Я намерен оставить «Граматику» и заниматься исправлением переводов, пиша их собственно Вашими буквами, и надеюсь, что труды мои, вверенные Вашему усмотрению, без всякой пользы не останутся как для меня самого, так и для осетинской церкви» [10, 363].

2 февраля 1845 г. Мжедлов писал Шегрену: «В продолжение двух лет я успел переложить пять «Историй И. Христа», т.е. «Четвероевангелие» и «Деяния св. Апостолов...»» [10, 364]

В письме от 8 апреля 1845 г. Мжедлов советовался с Шегреном по поводу этих переводов: «Перевод же «Евангелия» и «Деяний Апостолов» еще не <нрзб.>, и желал бы очень по этому предмету от Вас иметь совет, могу ли я переписать набело и представить начальству или предварительно прислать Вам для рассмотрения...» [10, 365] 16 ноября 1845 г. Мжедлов вновь сообщал в письме к Шегрену: «...занятие мое по составлению перевода «Евангелия» вчерне уже кончено» [10, 366].

28 декабря 1850 г. Мжедлов писал Шегрену: «Занятие мое переводом

«Псалтиря» не ограничилось, я занимался, занимаюсь и буду еще заниматься, сколько позволят мне мои силы. Доселе я успел составить перевод «Четвероевангелия»... Высокопреосвященным Экзархом недавно представлены Святейшему Синоду и, вероятно, будут Вам переданы на цензуру; и потому осмеливаюсь просить Вашего великодушного снисхождения к трудам моим, тем более, что осетинский язык, как Вам известно, доселе не имеет средств для составления переводов» [10, 368].

3 марта 1851 г. Мжедлов писал Шегрену, что перевод Евангелия «стоит мне больших трудов и даже издержек, и потому при рассмотрении оного покорнейше прошу Вашего снисхождения. Разумеется, нельзя не вкратце и в оный перевод ошибкам, но все ошибки могут быть исправлены и усовершенствован труд, лишь бы только отзыв об оном был снисходителен и соответствен моему желанию и ожиданию начальства. Впрочем, я все бесприкословно предоставляю Вашему благоусмотрению, оставаясь всегда Вами довольным и Вас уважающим и почитающим» [10, 369].

Шегрен отрецензировал перевод Мжедлова, о чем письменно сообщил ему. В ответном письме к Шегрену от 21 июня 1852 г. Мжедлов писал: «Письмо Ваше о переводе «Четвероевангелия» на осетинский язык я получил еще в прошлом году и затем самый перевод для исправления по замечаниям Вашим. Прочитав внимательно замечания, просмотрев перевод, я убедился, что в правописании действительно допущены были ошибки, которые при пересмотре тщательно исправлены. Слова и выражения, требующие также исправления, исправлены, исключая немногих слов, которые оставлены по-прежнему собственно потому, что в

существовании сих слов и в означении тех предметов, для выражения которых они употреблены, не нашлось ни малейшего сомнения. ...О всех тех словах, о которых Вы изволили в переводе, поста<но>вкою знаков, навести сомнения — правильные или неразрешенные — при пересмотре перевода и исправлении оногo, я вел перечень, который, для видимости, представил вместе с переводом к Экзарху, и который, вероятно, дойдет до Вас. Затем я уже на совершенство перевода совершенно надеюсь, и в этом уверяют образованные осетины, к которым для усовершенствования оногo я часто обращался и требовал их помощи и совета. Я совершенно уверен, что отзыв Ваш об этом переводе будет хорош, и я за мои усиленные труды не останусь без награды...» [10, 370]

Письма Мжедлова к Шегрену в 1850-1852 годы свидетельствовали, что перевод на осетинский язык Четвероевангелия, выполненный Мжедловым, никак не мог быть опубликован в 1848 г., как об этом писал В.Ф. Миллер в «Библиографии», предварявшей вторую часть его «Осетинских этюдов» [18, III]. Ошибочные сведения Миллера о времени публикации Четвероевангелия на осетинском языке тиражировались в трудах исследователей на протяжении XIX, XX и даже XXI вв. Парадоксально, что ссылка на Миллера дана в книге 2010 года, в которой впервые опубликованы письма Мжедлова к Шегрену, относящиеся к 1850 — 1852 годам [19, 124].

Правильная дата издания перевода Евангелия на осетинский язык была определена еще в 1868 году А. Шифнером в его книге «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цоравым»: «Появившийся в 1861 г. в Тифлисе, перевод Святого Евангелия: Сыгъдаг Евангелие на Осетинском языке, переведенное коллежским ассессором

(ассессором. — Л.Г.) Гр. Мжедловым. 239 + XXXVII стр. в 4-ю д.л.» [20, 2 — 3].

На протяжении нескольких лет Мжедлов продолжал работать над исправлением своего перевода Четвероевангелия на осетинский язык. В 1860 г. в тифлисской типографии начали набор текста будущего издания.

28 июля 1860 г. члены владикавказского Комитета по переводам священно-церковных книг и учебников на осетинский язык обратились с рапортом к экзарху Грузии архиепископу Евсевию (Ильинскому), в котором просили «приостановить печатание Евангелий и рукопись препроводить к нам для прочтения и, в чем окажется необходимость исправления, — после которого за исправность перевода можем поручиться несомненно... Вообще перевод во многих местах весьма темен и неудобопонятен, очень частые отступления от правил правописания делают это еще более чувствительным, так как они напечатаны, многие места могут быть поняты превратно, другие и совсем останутся не поняты. В некоторых главах, нами прочитанных, найдены такие места, которые переведены противу смысла Св. Писания... В настоящем виде, без предварительного исправления, употреблять его для чтения в церкви не безопасно, дабы не произвести в народе недоразумений касательно святости учения Евангельского. Есть, впрочем, зачала, переведенные очень хорошо, ясно, точно и прилично тону речи Евангельской» [21, 170б. — 18]. К голосу членов владикавказского Комитета в тот момент не прислушались, и перевод Святого Евангелия на осетинский язык, сделанный Мжедловым, был все-таки издан в 1861 году.

Однако после публикации книги управляющий делами Общества восстановления православного христианства

на Кавказе И.А. Бартоломей предписал Управляющему осетинскими приходами и причтами Владикавказского Военно-Осетинского округа архимандриту Иосифу (Чепиговскому) прислать ему отзыв на изданное Святое Евангелие на осетинском языке. 11 декабря 1861 г. архимандрит Иосиф направил И. Бартоломею отзыв, составленный священниками Колиевым и Аладжиковым, учителем Жускаевым и диаконом Караевым, в котором отмечалось, «что перевод этот необходимо должен быть весь исправлен и что он в настоящем виде никак не может быть обращен ни в церковное, ни в народное употребление» [22, 42, 43об.].

После получения неудовлетворительного отзыва об издании Комитет Общества восстановления православного христианства на Кавказе принял решение поручить владикавказскому переводческому комитету заняться его исправлением. 17 декабря 1861 г. И.А. Бартоломей писал архимандриту Иосифу: «Комитет Общества восстановления православного христианства на Кавказе признал нужным перевод этот, под руководством Вашим, подвергнуть тщательному пересмотру и исправлению. ... Комитет желает, чтобы исправление перевода было окончено, по крайней мере, к 1-му наступающего марта, и чтобы при исправлении перевода была введена особая записка с подробным изложением в ней причин, побудивших сделать в нем то или иное исправление» [22, 42-42].

4 января 1862 г. переводчиками владикавказского Комитета была составлена подробная записка исправлений перевода Святого Евангелия с объяснением каждого пункта [22, 49 — 50].

Архимандрит Иосиф вместе со священниками А. Колиевым, М. Сухиевым, А. Аладжиковым и частично с

С. Жускаевым и Г. Караевым работал над Евангелием от Матфея, а начиная с 27 главы Евангелия только с Г. Караевым [22, 77]. Вместе с Г. Караевым архимандрит Иосиф трудился над исправлением перевода Евангелия от Марка [22, 77].

Исправленный перевод Четвероевангелия вышел в Тифлисе в 1864 г. [23]. В 1902 г. Святое Евангелие на осетинском языке было переиздано во Владикавказе в новой редакции, но в основе его остался перевод Мжедлова [24].

В письме от 28 декабря 1850 г. Мжедлов сообщал А.М. Шегрену, что он составил «Осетинский букварь», заключающий в себе азбуку, некоторые повседневные молитвы, Символ веры, 50 и 102 псалмы и «Краткий катехизис», которые переданы экзархом Грузии архиепископом Исидором (Никольским) в Святейший Синод и вероятно будут переданы Шегрену на рецензию [10, 368].

3 марта 1852 г. Мжедлов писал Шегрену: «Из письма Вашего я усмотрел что «Азбука» моя, включающая в себя «Букварь», несколько молитв и краткий «Катехизис», Вами не одобрена, к чему я совершенно не могу и не должен питать ни малейшего неудовольствия, так как строгая критика есть наука и поведет меня к большему усовершенствованию своих трудов. Если означенная книжка не совсем верна, то ошибки оной должны быть малозначительны и извинительны, равно и ее правописание — что все можно исправить и опять представить, если только она отзывом Вашим совсем не уничтожена» [10, 369].

В письме к Шегрену от 21 июня 1852 г. Мжедлов сетовал: «Не могу также знать, что сделалось с составленной мной «Осетинской азбукой», которую Экзарх представил Синоду в конце 1850 года» [10, 370].

Судя по письму от 28 декабря 1850 г., Мжедлов в течение нескольких лет, примерно с начала 1840-х гг. занимался составлением «Осетино-русско-грузинского словаря» [10, 368]. В качестве образца для составления словаря он выбрал «Грузино-русско-французский словарь» Давида Чубинова, изданный в Санкт-Петербурге в 1837 г. и удостоенный Демидовской премии. Протоиерей Шио Двалишвили и Мжедлов просили Шегрена прислать им для работы экземпляр словаря Д. Чубинова.

В начале 60-х гг. Мжедлов занимался исправлениями переводов, выполненных членами владикавказского переводческого комитета. Так, за редактирование перевода книги «Последование св. крещения и миропомазания, на осетинском языке», выполненного священником А. Колиевым, Г. Мжедлову

и учителю В. Цораеву было выплачено 100 руб. [22, 32об.]

Мжедлов проработал учителем осетинского языка в Тифлисской духовной семинарии до 1855 г., а затем был назначен секретарем Грузино-Имеретинской синодальной конторы. В этой должности он находился примерно до 1872 г. [25, 66]. Точная дата кончины Мжедлова не установлена.

Таким образом, основоположник научного осетиноведения академик А.М. Шегрен своими рецензиями и советами по осетинской грамматике оказал неоценимую помощь Г.Д. Мжедлову, который занимался переводами на осетинский язык учебных и богослужебных книг на основе кириллицы. Благодаря помощи Шегрена в 1848 г. в Тифлисе был издан «Псалтирь» в переводе Мжедлова на осетинский язык.

1. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 27.
2. Материалы по истории осетинского народа. Сборник по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V.
3. Шегрен А.М. Осетинские исследования / Сост. и перев. Т.Т. Камболов. Владикавказ, 1998.
4. Мельников-Разведенков С. Новое двадцатипятилетие в истории просвещения города Владикавказа (1836-1861 годы). Тифлис, 1900.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 101.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 13.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 8.
8. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Д. 376. П. 148.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 26.
10. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен: Исследование. Тексты. М., 2010.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 35.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 40.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 74.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 177 б.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 95.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 149. Оп. 1. Д. 102.
17. Стыды чиныг кæнæ Псалтир. Книга хвалений или Псалтирь, на осетинском языке. СПб., 1848.
18. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.

19. Алиева А.И. Академик А.М. Шегрен — основоположник российского академического кавказоведения // Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен: Исследование. Тексты. М., 2010.
20. Шифнер А. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым СПб., 1868.
21. НА СОИГСИ. Ф.19. Литература. Оп. 1. Д. 27.
22. НА СОИГСИ. Ф. Лингвистика. Оп. 1. Д. 77. П. 33.
23. Сыгъдæг Евангелие. Святое Евангелие. Тифлис, 1864.
24. Сыгъдæг Евангелие. Святое Евангелие. Владикавказ, 1902.
25. Кавказский календарь на 1872 год. Тифлис, 1871.